

РИСКИ

КОНЕЦ ФРАНЦУЗСКОЙ АФРИКЕ

6 ноября случилась скоротечная война Франции с Кот-д'Ивуаром, которая может означать окончание эпохи французского политического доминирования во всем регионе Западной Африки.

Андрей Маслов

Хроника событий

Гражданская война в этой бывшей французской колонии (ранее Берег Слоновой Кости) началась еще два года назад, 19 сентября 2002 года. С тех пор боевые действия носят эпизодический характер, силы сторон примерно равны, и ни одна из них не решается перейти в наступление. Специфика конфликта заключается в том, что повстанцы требуют от легитимного правительства не предоставления независимости для подконтрольных им северных регионов, а участия в президентских выборах в октябре 2005 года их представителя, Аласане Уатара (Alassane Ouattara). Также они требуют, чтобы все северяне, независимо от того, кто их родители, получили ивуарийское гражданство. (Пока гражданином считается только тот, чьи родители, причем оба, родились на территории страны. Уатара и многие его сторонники не отвечают данному требованию. Если новый закон о гражданстве будет принят, северяне, скорее всего, проведут на первый пост в стране своего кандидата).

Французский военный контингент имеет статус миротворцев ООН, полученный по факту своего присутствия. На начало ноября контингент насчитывал более 4 тыс. военнослужащих. В апреле 2004 года дополнительно были развернуты войска ООН из других стран численностью более 6 тыс. человек (миссия ONUCI). Задача ONUCI – не допускать вооруженных столкновений сторон, мандат позволяет миротворцам применять оружие только в случае опасности для них самих. Решающую роль в разделении сторон и контроле линии фронта играют именно французские подразделения.

29 сентября 2004 года парламент Кот-д'Ивуара отказался принять новый иммиграционный закон, который давал бы гражданство и избирательные права детям выходцев из Мали и Буркина-Фасо, из которых многие – северяне. 13 октября повстанцы отказались начать разоружение, сославшись на невыполнение требований по изменению законодательства.

Неустойчивое равновесие было полностью нарушено 4 ноября, когда правительственная авиация начала бомбардировки опорных пунктов повстанцев в Карого (Korogo) и Буаке (Bouake). По оценкам ООН, в ходе этих атак мог-

ло погибнуть несколько десятков человек. 5 ноября, согласно официальному сообщению миссии ООН, правительственная авиация бомбила населенные пункты на севере страны, в их числе названы Баулифла (Baoulifla), Бонгера (Bonguera), Сегела (Seguela) и Вавуа (Vavoua). Филипп Моро (Philippe Moreux), Офицер по связям с прессой миссии ООН (ONUCI), сообщил о 18 погибших только 5 ноября. Из них двое – представители повстанцев, 16 – мирные жители. Повстанцы говорят о 54 погибших. Одновременно началось продвижение правительственных войск в район Чебису (Tebissou) – опорного пункта между официальной столицей – Ямусукро и столицей повстанцев – Буаке. Гийом Соро (Guillaume Soro), лидер оппозиционных «Новых сил» (Les Forces nouvelles) отказался вести какие-либо переговоры с правительством. В тот же день, 5 ноября, в коммерческой столице Абиджане нападению подверглась штаб-квартира оппозиционных партий «Объединение республиканцев» (Rassemblement des Republicains, RDR) и «Демократической партии Кот-д'Ивуара» (Parti democratique de Cote d'Ivoire, PDCI), состоящих в альянсе с «Новыми силами».

Кульминация наступила 6 ноября, когда бомбардировке подверглась французская военная база в районе Броба. Погибли 8 французских солдат (31 ранен) – это самые тяжелые потери контингента за все время войны; 1 гражданин США (погиб ранее в Буаке). Как сообщает ВВС, в ответ французы уничтожили 2 Су-25 ВВС Кот-д'Ивуара на аэродроме Ямусукро. Столкновения между французами и армией Кот-д'Ивуара произошли также в районе военной базы и аэродрома в Абиджане. В правительстве Кот-д'Ивуара подтвердили потерю двух Су, но опровергли сообщение об атаке французской базы. Согласно сообщению ВВС от 6 ноября, со ссылкой на источники во французской армии, помимо 2 Су-25, был дан приказ об уничтожении 5 ивуарийских вертолетов Ми-24. Французы переброшили в страну подкрепление из Чада и Габона. 7 ноября IRIN, со ссылкой на министра обороны Франции Мишеля Альо-Мари (Michele Alliot-Marie), сообщило об уничтожении 5 вертолетов, вероятно Ми-24. В последующие дни около 1 тыс. французских военнослужащих было дополнительно переброшено в страну, численность контингента достигла 5 тыс.

7 ноября стало известно о массовых антифранцузских погромах в столице. Разъяренные толпы сторонников президента Лорана Гбагбо (Laurent Gbagbo) искали французских школы и библиотеку. Призывы выйти на улицы звучали по государственному телевидению.

Французский фактор

Спустя сутки после гибели французских официальных власти Кот-д'Ивуара признали, что атака на базу миротворцев была «ошибкой», однако спикер Парламента Мамаду Кулибали (Mamadou Koulibaly) в интервью французскому Info Radio сказал: «Сегодняшние события обозначают переломный момент. Вьетнам покажется ничем по сравнению с тем, что мы собираемся устроить здесь».

Та ненависть, с которой ивуарийцы изгоняют французских, заставляет вспомнить Фрейда и его интерпретацию отцеубийства. Берег Слоновой Кости (так раньше называлась страна) – жемчужина Французской Западной Африки. Любимая колония Парижа, всегда сохранявшая почти идеальные отношения с метрополией и получавшая от этого немало привилегий.

Нынешний президент Лоран Гбагбо, за которого лично поручались французские военные и эксперты в 2001 году на президентских выборах, и спикер Мамаду Кулибали – представители созданной Францией колониальной элиты, притом ее «лучшие», ярчайшие представители, штучный товар. В каждого такого политика вложены сотни тысяч, если миллионы евро, это французские Дудаев и Масхадов. В итоге французы стали заложниками собственной внешнеполитической идеи об ответственности за тех, кого приручили.

Любопытно, что из двух основных сторон конфликта, Севера и Юга, французы традиционно принимали сторону Юга. Еще летом этого года миротворческий контингент из Франции фактически участвовал в столкновениях на стороне официальной армии (т.е. южан). Так было, например, в ночь с 6 на 7 июня в районе деревни Гохитафля (Gohitafla). Нынешнее обострение ситуации – явный удар в спину Парижу. С одной стороны этот удар свидетельствует о том, что нерешительная африканская политика Франции зашла в тупик. Прежде всего, идеологический. С другой стороны, можно говорить о провокации или серии провокаций, которые привели к кризису 6 ноября. Французы просто не смогли им противостоять.

Уже давно не стоит преувеличивать экономические интересы Франции как в Кот-д'Ивуаре, так и во всей Французской Западной Африке. Так, Кот-д'Ивуар занимает 184 (!) место в мире по привлечению французских иностранных инвестиций. Наиболее ликвидный товар, национальное достояние Кот-д'Ивуара – какао-бобы, по их экспорту страна находится на первом месте в мире, несмотря на войну, занимая около 35% на рынке основного сырья для производства шоколада. Однако французские компании контролируют только 15% экспорта бобов, уступая американским (25%) и идя почти вровень с британскими. Причем бизнес крупнейшей из французских компаний в Кот-д'Ивуаре – *Vollong* – будет в скором времени свернут.

В 1970-х годах в Кот-д'Ивуаре жило около 60 тыс. французов, к 2002 году их осталось около 20 тыс., к началу ноября – около 11-12 тыс. Но даже самые стойкие не выдержали последних погромов, направленных уже непосредственно против них. 23 ноября агентство IRIN сообщило, что с начала месяца страну покинуло еще около 9 тыс. иностранцев, в основном граждан Франции. Таким образом, в стране должно оставаться не более 3 тыс. мирных жителей французского происхождения. И (пока) 5 тыс. военных. Исход французских из Кот-д'Ивуара можно сравнить только с недавним бегством белых (британцев по происхождению) из Зимбабве. Лозунг «Африка для африканцев» еще не стал достаточно популярным, но уже претворяется в жизнь.

15 ноября СБ ООН, под давлением Франции, ввел эмбарго на поставки оружия в Кот-д'Ивуар. 16 ноября президент Гбагбо осудил эмбарго, заявив, что его армия должна быть хорошо оснащена, чтобы обеспечить стабильность в стране. И призвал помочь с установлением стабильности Соединенные Штаты. В то же время, Гбагбо заявил: «мы не находимся в состоянии войны с Францией», в тот же день начальник штаба Матис Дюэ (Mathias Doué) ушел в отставку по состоянию здоровья. Его заменил Филипп Мангу (Philippe Mangou).

Хотя отставка Дюэ вызвана давлением французских, назначение Мангу можно считать насмешкой. До сих пор Мангу командовал столичным гарнизоном Ямусукра, и считался одним из наиболее радикально настроенных офицеров. Не исключено даже, что он знал, в отличие от прежнего начштаба, о возможном ударе по французской базе 6 ноября.

Исполнители

Здесь необходимо несколько подробнее остановиться на том, что представляет из себя Армия Кот-д'Ивуара, с которой пришлось иметь дело французским миротворцам.

Прежде всего, эта армия политически неоднородна и плохо управляема. Отношения президента с отдельными частями и подразделениями строятся, по существу, на договорной основе. В 2002 году едва ли не половина вооруженных сил перешла на сторону повстанцев, однако на этом дробление не закончилось. Неуправляемость армии ограничивает реальное влияние таких фигур, как начальник штаба (до недавнего времени - Матис Дюэ) и командующий сухопутными силами (Дени Бомбе, Denis Bortbey).

По-настоящему лояльны президенту только некоторые спецподразделения, сформированные по этническому признаку. Вместе с тем, даже спецподразделения осознанно противопоставлены друг другу, поэтому вместо одной группировки в наличии целых три. Гбагбо и его ближайшие соратники, дабы не власть в зависимость от собственной охраны, вынуждены постоянно сталкиваться между собой высших командиров армии и спецслужб¹.

Сохраняя внешнюю респектабельность, внутри страны Гбагбо опирается на радикальные экстремистские организации, которые практикуют расизм («долгой всех белых!») и бандитизм. Видная публичная фигура в среде экстремистов – Симон Гбагбо (Simone Gbagbo) – старшая жена президента, а по совместительству - лидер фракции правой партии в парламенте². Другая одиозная личность

из команды президента - Мамаду Кулибали (Mamadou Koulibaly) – спикер парламента. Кулибали просто обязан вести себя как экстремист. Он – самый настоящий северянин, и по рождению, и по религии³. По каким-то причинам остался на стороне южан и теперь вынужден всеми силами доказывать, что он для них «свой».

Мамаду Кулибали и Мадам Гбагбо вдохновляют на подвиги молодежные отряды сторонников президента, которые зачастую вооружены, но не входят в легитимные силовые структуры. Эти отряды объединены названием «молодые патриоты». Наибольшую известность среди полевых командиров «Молодых патриотов» получили Шарль Бле Гуде (Charles Blé Goudé) и Эжен Джуэ (Eugène Djué).

Эжен Джуэ, которого называют «Маршал», возглавляет организацию, названную, вероятно по аналогии со знаменитой ангольской «Унита», Union pour la Libération Totale de la Côte d'Ivoire (UPLI) – «Союз за полное освобождение Кот-д'Ивуара». Смысл слова «полное» лежит на поверхности: в стране не должно быть не только французских войск и французской администрации, но и самих французов. Желательно также, чтобы не было их союзников, их компаний, их интересов. Джуэ говорит, что располагает 70 тыс. сторонников. Другой молодежный лидер и полевой командир Юга – Шарль Бле Гуде контролирует «Панафриканский Конгресс молодых патриотов» (Congrès Panafricain des Jeunes Patriotes, COJEP) и претендует на наличие 25 тыс. бойцов в подчинении⁴.

По мере движения от Абиджана на запад лояльность полевых командиров становится условной и неустойчивой. Помимо «Юга» и «Севера» на культурно-политической карте страны стоит выделить еще «Запад» и «Дальний Запад». Эти два региона, которые находятся в сложных отношениях друг с другом, нельзя отнести ни к Северу, ни к Югу. Центр запада – маленький город или большой поселок Ганьоа (Gagnoa). Там базируются отряды «Фронта безопасности центрального Запада» (Front pour la Sécurité du Centre-Ouest, FSCO) под командованием Бертрана Ньятоа (Bertrand Gnatou). Претендует на наличие 14 тыс. бойцов (реально 3-4 тысячи).

На юге есть своя, внутренняя оппозиция, которую мы, со всеми оговорками, считаем наиболее конструктивной политической силой в стране. Эта оппозиция – «Демократическая партия Кот-д'Ивуара» (PDCI) ведет свое происхождение от первого президента страны Феликса Уфуэ-Буани и состоит, в первую очередь, из населения юго-востока (аньи и бауле). Опора нынешнего режима – юго-запад (бете).

Мартовские (2004 год) столкновения между сторонниками PDCI и правительственными войсками были вызваны борьбой за контроль над портом Абиджана. Представители PDCI полгали, что неформальная рента с портового оборота – справедливая плата за их участие в коалиции Юга. Когда их человека до руководства портом не допустили, в коалиции произошел раскол. В марте погибло 120 человек, по оценкам правительства, и до 500 – по оценкам оппозиции.

Локальная экономика войны

Основной доход и до войны, и теперь, стране приносит экспорт какао. Около 40% мирового производства вы-

ражается в более чем \$2 млрд валютных поступлений каждый год. По состоянию на осень 2004 года правительство контролирует, по различным данным, от 75% до 85% плантаций. Итого, та часть, что досталась северянам, может приносить от \$300 до \$500 млн в год. Со скидкой на отсутствие инфраструктуры, проблемы с легализацией и т.п. предположим, что Гийом Соро и его «Новые силы» реально контролируют около \$200 млн поступлений. При этом на военный бюджет приходится, как полагает «Аф-Ро», до \$50 млн, что следует из сложившейся в стране практики распределения доходов. Еще \$15-20 млн должно поступать в неформальный военный бюджет северян от экспорта кофе. Кроме того, север Кот-д'Ивуара – традиционный район выращивания хлопка. Доходы от экспорта данной технической культуры также играют важную роль в финансировании непризнанного «государства» со столицей в Буаке.

Основной экспорт какао, кофе и хлопка из северных районов страны идет через Буркина-Фасо и Мали. Лояльность, которую проявляют к повстанцам правительства этих стран, привела к образованию нигде не объявленной зоны свободной торговли. Сборы с экспортеров фактически ограничиваются «военным налогом» общая сумма которого превышает \$100 млн в год. По подсчетам «Аф-Ро», в Западной Африке на одного бойца неформальной армии приходится, в среднем, \$10 тыс. доходов в год и \$5 тыс. расходов (та рентабельность содержания такой армии составляет 100%). Это соотношение подтверждается и примером Кот-д'Ивуара.

В ходе последнего обострения боевых действий, мировые цены на какао выросли на 20%, но вскоре вернулись на прежний уровень: объемы поставок быстро восстановились. Между тем, кооперативы фермеров получают менее 40% от оптовой цены бобов. Остальные 60-65% – за вычетом транспортных расходов – приходится на «военную» и политическую ренту, которую взимает правительство, армия, а также неформальные силовые структуры.

Если на Юге 60% прибыли от экспорта какао получают силовые структуры, государство и перекупщики внутри страны, то за остальные 40% разразилась борьба между крестьянами бете, и пришлыми фермерами с севера Кот-д'Ивуара, а также из Мали и Буркина-Фасо. Недавно президент Гбагбо учредил специальную комиссию, призванную подготовить проект реформ в сфере производства какао. 13 из 16 членов комиссии представляют бете, как и сам президент Гбагбо.

ICG сообщает, что многочисленные лидеры молодежных боевых отрядов получают от агентов правительства в среднем по \$80 тыс. в месяц (то есть около \$1 млн в пересчете на год). Можно предположить, что эти стипендии идут на зарплату бойцам, премии, закупки оружия. До половины суммы, мы полагаем, оседает у самих командиров.

Региональная политика

Мамаду Кулибали – идейный лидер антифранцузских настроений в стране – первый стал называть происходящее в стране «второй войной за независимость» или «войной Франции против Кот-д'Ивуара». Притом, что реальных оснований для такой риторики поначалу не было.

На самом деле, нынешняя война «за независимость» никак не может быть «второй», потому что Кот-д'Ивуар, в от-

личие от большинства других африканских стран, получила независимость образцово-показательным способом: мирно и, можно сказать, по любви. Новой страной стали править люди, воспитанные Парижем и в Париже, настоящие ставленники метрополии. Политическая обстановка была стабильной, экономика динамично развивалась, опираясь на хлопок, какао, кофе и парт – крупнейший в регионе.

Особенно ценным опытом Кот-д'Ивуара (тогда – Берег Слоновой Кости) был для Парижа в сравнении с тем, как пришлось французам уходить из Алжира и Индокитая. Не столь мягкой была передача власти и в Гвинее, Камеруне, других колониях.

С 1960-х годов именно Берег Слоновой Кости считался и являлся опорой постколониальной политики Парижа в регионе. И подвергался за это критике со стороны большинства местных политических лидеров. Критике, впрочем, не слишком жесткой, поскольку страна всегда оставалась экономическим локомотивом региона, и не считаться с политикой Абиджана было невозможно для Мали, Буркина-Фасо и других соседей. В целом, они считали, что Абиджан променял «полную» независимость на процветание. И в целом были правы. Теперь же независимость оказалась важнее.

Президент Гбагбо не является ставленником Вашингтона. Его радикальные союзники – не агенты влияния США. Они не любят белых, не только французоз. Однако косвенные преимущества, полученные США за последний месяц (с 6 ноября) и за последние два года (с 19 сентября 2002), невозможно игнорировать.

Во-первых, Франция теперь фактически втянута в боевые действия, с каким-никаким, но вполне легитимным режимом. Это лишает Париж возможности критиковать американцев за их действия в Ираке. Причем присутствие американских войск в Ираке имеет пусть и спорные, но многочисленные объяснения. Некоторые – для элит, некоторые – для населения, некоторые – для мирового сообщества. У Франции нет ни того, ни другого, ни третьего. Настроения в Париже – весьма мрачные: за чем гибнут солдаты, простым французам не понятно.

Во-вторых, экономический и политический крах Кот-д'Ивуара влечет за собой крах всего политического проекта «Французской западной Африки». Геополитическая идея *Francafrique* («Франсафрики») становится частью

истории. Центром региональной интеграции будет, теперь это очевидно, Нигерия.

Пока, конечно, Нигерия только проиграла от начала войны в Кот-д'Ивуаре: снижение объемов региональной торговли считается основной причиной замедления экономического роста в 2003 году (см. «Аф-Ро» №4, 2004). Однако в среднесрочной перспективе Нигерия оказывается вне конкуренции как экономический центр региона. Нельзя исключить и постепенное отмирание франка CFA (привязанного к евро) в качестве международной валюты. (До войны более половины франков CFA обращалось в Кот-д'Ивуаре, а центральный банк-эмитент до сих пор располагается в Абиджанае). В то же время, штаб-квартира ключевого для всего континента Африканского банка развития (АБР) переведена из Абиджана в Тунис.

Если война дарит Нигерии безусловное экономическое доминирование в Западной Африке, то миротворчество – политическое и военное. Совершенно очевидно, что целью внешней политики страны является обеспечение проекции силы в рамках региона (от Конго до Сенегала). Причем нигерийские миротворческие войска являются, по большей части, инструментом политики США. По крайней мере, пока.

Менее однозначно сказывается война в Кот-д'Ивуаре на положении Ганы. С одной стороны, то, что плохо для Кот-д'Ивуара, хорошо для экономики Ганы. Речь идет, в первую очередь, о ценах на какао и доле на рынке этого сырья. По некоторым оценкам, валютные поступления от экспорта какао-бобов из Ганы выросли с начала войны в два раза. Другое преимущество связано с переходом части транзитных операций из порта Абиджана в порты Ганы.

Однако нестабильность вполне может перекинуться из Кот-д'Ивуара на территорию Ганы, и в таком случае, все скоротечные преимущества немедленно нивелируются. Попытки урегулировать конфликт(ы) в Либерии, Сьерра-Леоне, Кот-д'Ивуаре напоминают сбор шариков ртути. Как только где бы то ни было устанавливается стабильность, конфликт переходит в соседнюю страну. Причем зачастую те же люди воюют там тем же оружием. Как минимум, одна из причин этих войн – экономический интерес определенного круга лиц. И речь идет не столько о торговле оружием, сколько о сохранении в Западной Африке «серой зоны», пригодной для любых незаконных экономических операций.

¹ На данный момент, наиболее близки к президентскому клану следующие структуры – «Бригада по подавлению мятежа» (Brigade Anti-Emeute, BAE), «Президентская охрана» (Garde Présidentielle, GP) и «Группа безопасности президента» (Groupement de Sécurité Présidentielle, GSP). Все три отряда состоят почти целиком из бете, то есть соплеменников президента Гбагбо. Le Monde, со ссылкой на DGSE (французская внешняя разведка), называет следующие имена командиров: Ансельм Сека Йапо (Anselme Seka «Seka Seka» Yapo), Патрис Баи (Patrice Bai), Эдуар Касарате (Edouard Kassaraté), Брюно Дегбе Бле (Bruno Degbo Blé) и Натаньель Аюма Бруйа (Nathaniel Ahouma Brouha).

² В политической жизни региона роль женщин традиционно велика. Порой они возглавляют и неформальные военные отряды. Есть, в частности отряды женщин-боевиков, которые считаются «личной гвардией» Симоны Гбагбо.

³ Мамаду Кулибали – мусульманин (это следует из имени), северянин (родился в деревне Пиманкага (Pimankaha), префектура Напие (Napie)), по этнической принадлежности – сенуфа. Экономист, профессор университета Абиджана, ассоциированный профессор университетов Лилия и Версаля. Был экономическим советником Лорана Гбагбо еще во время парижского диссидентства последнего. 14 января 2000 года стал министром бюджета в переходном правительстве. Здесь стоит сказать о том, кто такие сенуфа. Основное населения севера Кот-д'Ивуара (живут также в Мали и Буркина-Фасо), традиционно – земледельцы и охотники. В 18 веке, когда пришедшие с севера диула основали в Кот-

д'Ивуаре свою «торговую империю» – Конг, большинство населения в ней составляли именно сенуфо. Они же были главной военной силой. Главные кланы сенуфо породнились с пришельцами-диула, между кланами диула и сенуфо установилось соответствие. Так, сенуфо Соро (клан пантеры) стали побратимами диула Кулибали. (Диула – это ответвление бамана или бамбара, основной этнической группы нынешнего Мали, «диула» (jula) значит «торговец» на языке бамана. Кулибали – один из самых крупных и влиятельных кланов бамана, их прародиной считается город Сегу). С тех пор, как между кланами Соро и Кулибали установилась связь, сенуфо по имени Соро это фактически и есть Кулибали. Они имеют традиционное право использовать это имя. Когда французы ввели паспортизацию населения, многие сенуфо выбрали не «исконные» родовые имена, а имена-соответствия. То есть многие Соро записали себя как Кулибали. Вместе с клановыми именами сенуфо переняли у диула ислам.

⁴ Существуют и другие вооруженные организации «сторонников» президента. Степень их консолидации с режимом Гбагбо различна и непостоянна. Стоит упомянуть, например, «Фронт национального освобождения» (Front de Libération National, FLN), – организация, ранее известная под названием «Патриотическая группа за мир» (Groupe Patriotique pour la Paix, GPP). Лидер – Муса Туре (Moussa Touré) – мусульманин, что следует из имени, и северянин, что следует из фамилии. Тем не менее, ICG отмечает, что эта организация действует в пригороде Абиджана. Многие вооруженные отряды, как на юге, так и на севере, происходят из недр «Федерации студентов и школьников Кот-д'Ивуара» (Fédération Etudiante et Scolaire de Côte d'Ivoire, FESCI). В настоящее время эту организацию, имеющую политическую и криминальную ипостаси, возглавляет Серж Куйо (Serge Kuyou).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ РИСКИ

Гана

7 ноября правительство Ганы сообщило об аресте подозреваемых в организации военного переворота. Политическая обстановка несколько накалилась в преддверии президентских выборов, которые должны пройти 7 декабря. Вряд ли что-то может помешать нынешнему президенту Джону Куфур (John Kufuor) их выиграть (Куфур находится у власти с 2000 года), однако существует ряд сил, которые готовы воспользоваться кризисом в соседнем Кот-д'Ивуаре для дестабилизации Ганы.

В учебном лагере Бундазе (Bundase) недалеко от столицы прошли крупные военные учения. Командующий – бригадный генерал Дж. Б. Данкуах (J.B. Danquah) – заявил, что первоочередной план высшего командования вооруженными силами Ганы состоит в улучшении состояния технической базы армии, которое будет производиться, в основном, за счет покупки нового вооружения. Однако он также отметил, что армия будет остро нуждаться в специалистах, способных работать на новой технике. По наблюдениям «Аф-Ро», Гана – одна из немногих стран Тропической Африки, которые склонны закупать вооружения в мирное время. Недавно был заключен контракт на поставку из России штурмовых вертолетов Ми-171Ш производства КВЗ.

Л. Галубцов, Б. Свинцов

Египет

Ночью 8 октября 36 туристов погибло в результате взрывов гостиниц, в числе жертв оказались российские гражд-

дане. Взрывы произошли на Синайском полуострове, в «азиатской» части Египта (населенные пункты Таба, Нувейба, Рас-эс-Сатан и Мухайамат-эт-Тарабин). Большинство погибших и пострадавших – граждане Израиля и, видимо, это не случайно. О своей непричастности к терактам заявила группировка «Хамас», однако ряд ее дочерних структур поспешили взять ответственность на себя.

Основной доход стране приносит туризм, и количество иностранцев в Египте в разгар сезона достигает нескольких миллионов человек (за год – 6 млн). Поэтому правительство отдает себе отчет в том, что потеря бдительности может привести к серьезным последствиям. Любой теракт с гибелью иностранных граждан отражается на доходах, которые страна получает от туризма.

Террористические акты, направленные против туристов в Египте, случаются раз в несколько лет. Их целью является привлечение внимания к деятельности тех или иных группировок, большинство из которых связано с движением «братьев-мусульман». Некоторые из подпольных исламистских организаций ставят задачу свержения существующей власти.

В случае с последними взрывами «собственно египетские» террористы могут быть и не причем, а туристы на этот раз стали жертвами арабо-израильского конфликта.

На сегодняшний день ситуацию в Египте контролируют вооруженные силы и полиция. Учитывая ту роль, которую занимает страна в регионе, можно с уверенностью сказать, что и США постараются не допустить «иранского» варианта развития событий в Египте. Для США мир между